

*Прошлую книгу я писала в основном для себя.
Эта же — для вас.*

Пролог

Пять летних сезонов тому назад

В отпуске можно стать кем угодно. Знаете это чувство, когда надеваешь сногсшибательное платье и словно начинаешь чувствовать себя другим человеком; или когда книга увлекает тебя настолько, что ты с головой уходишь в другую реальность? Отпуск — еще один способ стать немножко другой версией себя.

В повседневной жизни ты, может, и постесняешься кивать в такт льющейся из радио песне, но вот если дело будет происходить на летней веранде, в таинственном мерцании сумерек, а звучать будет завораживающая ритмичная музыка... Ты и сама не заметишь, как мелодия закружит тебя в танце.

Когда ты в отпуске, то даже волосы становятся другими. Вода здесь совсем не такая, как дома, а может, дело в гостиничном шампуне. А может, ты и вовсе голову не моешь, а расческу давно забросила на дно чемодана, потому что морская вода превращает твои волосы в очаровательные кудряшки. И ты думаешь: может, мне и дома стоит делать так же. Может, я вернусь совсем другим человеком: человеком, который не расчесывает волосы и совсем не переживает из-за пятен пота и песка, набившегося во все возможные складочки тела.

Когда ты в отпуске, то смело вступаешь в беседы с незнакомцами и ничуть не беспокоишься о том, какое впечатление произведешь. Ну и что, если ты поставишь себя в глупое положение? Ты всех этих людей видишь в первый и последний раз!

Так что этим вечером можно быть кем угодно — ведь у тебя отпуск. Можно делать все, что только захочется.

Ну ладно. Не совсем все. Иногда плохая погода вносит свои коррективы, и сейчас я оказалась именно в такой ситуации: отчаянно пытаюсь найти способ развлечься, пока за окном льет дождь.

На выходе из туалета мне пришлось остановиться. Частично из-за того, что я все еще раздумывала, чем бы мне заняться, но по большей части из-за... полов. Здесь они были настолько липкими, что одна из моих сандалий приклеилась и соскочила с ноги, так что мне пришлось неловко прыгать обратно. Место здесь, конечно, просто чудесное, но я пребывала в уверенности, что если коснусь голой ногой грязного ламината, то имею все шансы подхватить какую-нибудь невероятно опасную болезнь — вроде тех, которые хранят на секретной научной базе Центра по контролю заболеваний.

В общем, я пропрыгала к своей оранжевой сандалиии, сунула внутрь ногу и развернулась, оглядывая бар. Картина открывалась следующая: несколько посетителей, липких и мокрых от пота; под потолком лениво вращаются вентиляторы, совершенно не спасающие от жары; и только иногда ветер забрасывает в приоткрытую дверь пригоршню холодной дождевой воды, немного остужая разгоряченные тела. В углу стоит музыкальный автомат, весело мигающий яркими неоновыми огнями, и исполняется на нем песня группы Фламинго «Смотрю я только на тебя».

Это курортный город, но сейчас я была в местном баре, куда обычно не заходили туристы. Были в этом плюсы — например, полное отсутствие девиц в цветастых сарафанах и парней в гавайских рубашках, но имелись и минусы — такие, как острая нехватка коктейлей, украшенных шпажкой с тропическими фруктами.

Если бы не шторм, мой последний вечер в городе был бы куда интереснее. К сожалению, в реальности всю неделю лил дождь и сверкали молнии, полностью уничтожив мои мечты о белоснежном пляжном песочке, море и поездках на катере. Все, что мне оставалось делать, — это вместе с другими ра-

зочарованными туристами набиваться в непомерно дорогие заведения, куда никогда бы не пошли местные, и пить одну пинаколаду за другой.

Этим вечером я решила, что всему есть свой предел. Больше никакой толпы, никакого стояния в бесконечной очереди и никаких седеющих стариков, пьяно подмигивающих мне, пока их жена смотрит в другую сторону.

Потому теперь я стояла на грязном липком полу бара — назывался он, кстати, просто «БАР», ничего лишнего, — и осматривала посетителей, выискивая цель.

Цель обнаружилась в углу бара. Молодой человек примерно моего возраста: то есть около двадцати пяти, — с волосами песочного цвета, широкоплечий и высокий. То, что мне удалось подметить два последних факта, было удивительно, потому что он ужасно сутулился. Склонив голову к телефону, он пристально всматривался в экран, беспокойно прикусив нижнюю губу. Его палец медленно скользил по экрану, перелистывая страницу за страницей.

Людей здесь, конечно, было куда как меньше, чем в каком-нибудь Диснейленде, но вот уровень шума был соответствующий. С одной стороны, музыкальный автомат хрипло выводил мелодии пятидесятых годов, с другой стороны ему вторил телевизор, где ведущий прогноза погоды громко объявлял о рекордном уровне осадков. Громко хохотала компания мужчин — причем смеялись они в унисон и абсолютно одинаковыми голосами. Бармен то и дело хлопал ладонью по барной стойке, что-то оживленно рассказывая девушке с высветленными до желтизны волосами.

Затяжной шторм свел весь остров с ума, а обилие дешевого пива из любого сделает человека шумного и несдержанного.

Так что молодой человек с волосами песочного цвета решительно выделялся из толпы своим спокойствием. Впрочем, не только им: он вообще выглядел так, будто оказался здесь абсолютно случайно. Несмотря на то, что температура близилась к тридцати градусам тепла, а влажность была стопро-

центная, одет он был в застегнутую на все пуговики рубашку и синие брюки. Коже его подозрительно не хватало загара, а ему самому — хоть каких-либо признаков улыбки, или веселья, или легкомыслия, в общем, вы поняли.

Вот оно.

Я откинула с лица прядь кудрявых волос и решительно направилась прямо к нему. Он даже взгляда не поднял: все так же сидел и сосредоточенно смотрел в экран, медленно перелистывая страницы. Я успела заметить выделенный жирным заголовок: «ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ».

Итак, он читает книгу. В баре.

Я уперлась бедром в стойку бара и облокотилась на нее.

— Ну привет, морячок.

Молодой человек медленно поднял взгляд ореховых глаз от экрана телефона и, недоуменно моргнув, уставился на меня.

— Привет?

— Часто здесь бываешь?

Он с минуту молча меня изучал, явно мучаясь с выбором подходящего случая ответа.

— Нет, — наконец сказал он. — Я здесь не живу.

— О, — начала было я, но не успела и слова сказать, как он тут же меня перебил:

— А если бы и жил, то у меня в любом случае большая кошка, за которой требуется тщательный уход. Так что выбраться куда-то не так уж и просто.

Все вышесказанное поставило меня в тупик, но оправилась я быстро.

— Ох, мне так жаль. Это, наверное, так тяжело — когда у тебя больное животное, да еще и смерть близкого...

Он нахмурил брови.

— Смерть?

Я взмахнула рукой, указывая на его необычный для здешних мест наряд.

— Разве ты не на похороны приехал?

Губы его сжались в тонкую линию.

— Нет.

— А что тогда привело тебя в город?

— Дружеская поездка. — Молодой человек снова уткнулся взглядом в телефон.

— Ты в гости приехал? — предположила я.

— Меня сюда притащили, — поправил он. — В отпуск.

Последнее слово он произнес с нескрываемым презрением.

Я закатила глаза:

— Да ты что? И тебя оторвали от любимой кошки? Без всякого веского повода — просто чтобы радоваться жизни и поселиться?! Ты вообще уверен, что этот человек — твой друг?

— С каждой секундой уверен в этом все меньше, — ответил он, даже не удостоив меня взглядом.

Работать с таким кадром непросто, но я сдаваться не собиралась.

— Итак, — напирала я. — И что собой представляет этот друг? Он умный? Сексуальный? Обеспеченный?

— Низенький, — ответил молодой человек, не отвлекаясь от чтения. — Громкий. Заткнуть его просто невозможно. Вечно ставит пятна на одежду — причем и на свою, и на мою. У него ужасный вкус, и он плачет, когда на экране крутят рекламу общественного колледжа — знаешь, типа той, где мать-одиночка допоздна сидит за компьютером, а потом засыпает прямо на клавиатуре, и ее сын накидывает ей на плечи плед и улыбается, потому что ужасно ею гордится? Так, что же еще... Ах да. Моя *подруга* просто без ума от дерьмовых баров, пропахших сальмонеллой. Да я тут даже бутылочное пиво боюсь пить — ты вообще видела, какие в интернете отзывы об этом месте?

— Ты что, издеваешься? — спросила я, скрестив руки на груди.

— Ну, — ответил он, — ты права, сальмонелла ничем не пахнет. Но да, Поппи, ты действительно низкая.

— Алекс! — Я стукнула его по плечу, выходя из образа. — Я тебе вообще-то помочь пытаюсь!

Он потер руку.

— И как же ты пытаешься мне помочь?

— Слушай, я понимаю, что Сара разбила тебе сердце, но пора уже с этим кончать. Когда к тебе подходит горячая девчонка, последнее, о чем ты должен рассказывать, — это о своих созависимых отношениях с этой сволочной кошкой!

— Во-первых, Фланнери О'Коннор не сволочная, — поправил Алекс. — Она застенчивая.

— Она — чистое зло.

— Ты ей просто не нравишься, — настаивал он. — Потому что ты выглядишь как типичная собачница.

— Я просто пыталась ее погладить! Зачем тебе вообще кошка, которая не любит, чтобы ее гладили?

— Ей нравятся, когда ее гладят, — ответил Алекс. — Но каждый раз, когда ты ее видишь, глаза у тебя загораются, словно у голодного волка...

— Вовсе нет.

— Поппи, — сказал он. — Когда ты видишь *что угодно*, глаза у тебя загораются, как у голодного волка.

Как раз в это время бармен наконец-то принес коктейль, который я заказала перед тем как удалиться в туалет.

— Мисс? — окликнул он меня. — Ваша «Маргарита».

Запотевший бокал скользнул вдоль по барной стойке, и мое пересохшее горло сжалось от предвкушения. Я тут же подхватила бокал, да так быстро, что изрядное количество текилы выплеснулось через край. Алекс дернул меня за вторую руку сверхъестественно быстрым, тщательно отработанным движением — и только это спасло меня от того, чтобы облиться коктейлем.

— Видишь? Прямо как голодный волк, — сказал Алекс тихим серьезным голосом. Он всегда говорит именно так — за исключением тех чрезвычайно редких, прямо-таки священных ночей, когда наружу прорывается Чудак Алекс и мне выпадает честь наблюдать, как он валяется на полу в караоке, фальшиво всхлипывая в микрофон, песочного цвета волосы

торчат в разные стороны, а помятая рубашка давно выбилась из брюк. Просто гипотетическая ситуация. В точности произошедшая некоторое время назад.

Алекс Нильсен — воплощенная сдержанность. В этом высоком, широкоплечем, вечно ссутуленном мужчине воедино сплетается благородный стоицизм (естественное последствие, когда твой овдовевший отец — самый нервный человек на свете, а ты вдобавок еще и старший ребенок в семье) и богатый опыт смирения (не менее естественное последствие строгого религиозного воспитания, с детства вступавшего в противоречие с самой глубокой страстью Алекса, а именно — с наукой). А еще он самый чудаковатый, бестолковый и мягкосердечный дурень, которого я только встречала.

Я отпила глоток «Маргариты» и замычала от удовольствия.

— Вылитая собака в человеческом обличье, — пробормотал Алекс себе под нос, возвращаясь к своей книге. Я неодобрительно фыркнула и сделала еще один глоток.

— Кстати говоря, здешняя «Маргарита» процентов на девяносто состоит из чистой текилы. Так что посоветуй этим своим неутомимым комментаторам в интернете засунуть претензии куда подальше. Да и сальмонеллой тут совсем не пахнет.

Я еще раз приложила к бокалу и села на стул боком, повернувшись лицом к Алексу. Наши колени соприкоснулись. Мне нравится, как он всегда садится, когда мы идем куда-нибудь вместе — лицо его обращено к барной стойке, но длинные ноги вытянуты в мою сторону. Словно он приоткрывает какую-то секретную дверь своей души, и путь к ней известен только мне. И дверь эта, конечно, ведет не к сдержанному, серьезному, никогда не улыбающемуся Алексу, а к Алексу-Чудаку. Тому Алексу, который год за годом ездит со мной в отпуск, хотя он ненавидит самолеты, презирает перемены и не выносит спать на любой подушке, кроме своей домашней.

И мне нравится, что каждый раз, когда мы идем в бар, Алекс всегда садится за барную стойку, потому что он знает, что я люблю сидеть именно здесь. А ведь он как-то раз

признался, что ужасно нервничает, потому что ему постоянно кажется, будто он смотрит на барменов то слишком долго, то, наоборот, излишне избегает встречаться взглядами.

Честно говоря, мне нравится (а иногда и вызывает обожание) почти все в моем лучшем друге Алексе Нильсене. Я хочу, чтобы он был счастлив, и хоть мне никогда не нравились его девушки — и особенно меня раздражала его последняя бывшая, Сара, — я знаю, что теперь на мне лежит ответственность. Нельзя позволить Алексу превратиться в затворника только потому, что ему разбили сердце. В конце концов, для меня бы он сделал — и уже делал! — ровным счетом то же самое.

— Ну что, — спросила я. — Начнем сначала? Я буду сексуальной незнакомкой в баре, а ты будешь обычным очаровательным собой. Но без кошки. Немного тренировок — и ты в два счета сможешь устроить себе свидание!

Алекс поднял взгляд от телефона, едва заметно ухмыляясь. Ну, по крайней мере, я называю это его выражение ухмылкой, потому что ничего лучше Алекс все равно изобразить не сможет.

— Ты имела в виду, будешь незнакомкой, которая начинает беседу с крайне уместной фразы «Ну привет, морячок»? По-моему, у нас разные представления о сексуальном.

Я крутанулась на стуле, и наши колени стукнулись. Затем я повернулась обратно, сложив губы в кокетливую улыбку.

— Скажи, это было больно... — начала я, — падать с небес? Алекс покачал головой.

— Поппи, мне очень важно, чтобы ты поняла одну вещь, — медленно сказал он. — Если я когда-нибудь и пойду на свидание, то твоя так называемая «помощь» не понадобится.

Я вскочила на ноги, драматично выплеснула остатки «Маргариты» себе за плечо и со звоном грохнула бокал о барную стойку.

— Тогда как насчет того, чтобы свалить отсюда?

— Как ты вообще умудряешься ходить на свидания? — Алекс озадаченно покачал головой.

— Очень просто, — ответила я. — У меня низкие стандарты. И нет никакой Фланнери О’Коннор, которая могла бы мне помешать. И когда я выбираюсь в бар, я не провожу все время, читая отзывы в интернете. И не излучаю мощное поле «НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ СО МНОЙ», которое можно заметить невооруженным взглядом. К тому же я довольно-таки роскошно смотрюсь под определенным углом. Мне так говорили.

Алекс встал, положил на барную стойку двадцатку и убрал бумажник обратно в карман. Он всегда носит с собой наличку, понятия не имею почему. Я спрашивала об этом минимум три раза. Каждый раз Алекс отвечал, но я все еще не знаю, в чем там было дело. Полагаю, его ответ был слишком скучным и/или заумным, так что мой мозг отключался в попытках его осознать, не то что сохранить в памяти.

— Но факт остается фактом: ты совершенно невменяемая.

— Но ты меня все равно любишь, — заметила я, готовясь встать в оборонительную позицию.

Алекс приобнял меня за плечи и внимательно посмотрел мне в лицо. Его губы тронула едва заметная, сдержанная улыбка. Способность его лица отображать эмоции была вообще крайне ограничена.

— Я знаю, — сказал он, и я весело ухмыльнулась.

— Я тоже тебя люблю.

С заметным усилием Алекс сдерживал улыбку, и теперь она медленно угасала на его лице.

— И это я тоже знаю.

От текилы меня потянуло в сон, и я облокотилась на Алекса, позволив ему довести меня до входной двери.

— Хорошая была поездка, — сказала я.

— Лучшая, — согласился он. По нашим плечам забарабанил холодный дождь, и Алекс обнял меня чуть крепче, согревая и защищая от разбушевавшейся непогоды. От него успокаивающе пахло маслом кедрового дерева, и этот запах окутал меня словно плащ.